

Уважаемые коллеги, на днях будет ровно год, как мы живем без Егора Тимуровича Гайдара. Конечно, это был трудный год для всех нас. 25 лет нашей жизни были связаны с дружбой с Гайдаром, с сотрудничеством с Гайдаром, с возможностью задать вопрос, посоветоваться или получить всегда внятный и очень убедительный ответ.

На протяжении этого года мы, его друзья, коллеги, его институт старались делать то, что нам представляется самым главным ему памятником, самой главной частью памяти о нем, – это развитие института, не сохранение, подчеркиваю, а развитие Института экономики переходного периода, Института экономической политики. За этот год институт получил новое название, точнее, вернулся к своему старому названию: когда он создавался, он был Институтом экономической политики, теперь – Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара, Институт Гайдара. Как вы знаете, институт получил новый Попечительский совет в составе присутствующих здесь А.Л. Кудрина, А.Б. Чубайса и Г.О. Грефа.

Мы начали Гайдаровские чтения, которые, я надеюсь, будут проходить каждую осень. Сегодня у нас седьмая, заключительная встреча. Первая состоялась в середине сентября, открывал ее Герман Греф. За это время мы провели 6 тематических панелей, где очень глубоко, профессионально обсуждались вопросы макроэкономики, социальной политики, политической экономии, внешнеэкономической деятельности, бюджетной политики, региональной политики и отдельно Гайдаровские чтения по Северному Кавказу, актуальнейшей и одной из наиболее острых тематик нашей повестки.

Мы рассматриваем Гайдаровские чтения, как отчет института обществу, тем, кто заинтересован в том, чтобы нормальная экономическая (я хотел сказать «либеральная экономическая мысль», на самом деле, «нормальная»), профессиональная экономическая мысль развивалась в стране. Собственно, задачи, которые ставил Егор Тимурович перед нами 20 лет назад, на протяжении всех прошедших 20 лет, заключались, в конечном счете, в том, чтобы рекомендации в области экономической политики всегда были связаны с серьезными теоретическими исследованиями. Важнейшей, уникальной особенностью института, является, на мой взгляд, как раз то, что здесь есть и исследования достаточного уровня и вовлеченность в выработку практических решений, рекомендаций.

Если перефразировать известный афоризм из фильма «Покровские ворота»: «Искусство в большом долгу...», можно сказать, что все последние 80 лет все экономисты были в большом долгу. Нас с детства учили, что экономисты должны ходить на предприятия, изучать практику. Экономисты должны изучать то, экономисты постоянно что-то должны и постоянно где-то не догоняют. Тут есть действительно объективная проблема. Весь мой опыт работы в разных экономических учреждениях говорит о том, что все экономические советы, как правило, или банальны и потому бессмысленны, или оригинальны и потому глупы. Гайдар часто говорил, что в экономической теории то, что правильно – достаточно просто, а то, что требует сложных математических доказательств, часто оказывается интересным, но некорректным.

На самом деле, экономист может быть осмыслен и уместен тогда, когда он не только читает книги, а это критически необходимо, не только общается с себе подобными, но и общается с теми, кто занимается экономической политикой. Экономист может дать осмысленную рекомендацию, только если (не потому, что здесь Алексей Леонидович [Кудрин]) он знает контекст дискуссии, в курсе того, что обсуждал министр финансов в прошлый понедельник или в прошлом месяце. Только тогда рекомендации могут быть в контексте, иначе они повисают в воздухе, они ни о чем, даже если они совершенно правы. Я читал в каком-то романе, не буду сейчас цитировать, про одного американского экономиста, который занимался в основном тем, что советовал американским президентам. Когда у него спрашивали, трудно ли быть экономическим советником американского президента, он говорил: «Очень просто. Надо всегда говорить одну фразу: главное, чтобы бюджет был сбалансирован».

Мне кажется, что наш институт работает на более высоком уровне, выходит за пределы этой парадигмы.

Я позволю себе коротко напомнить этапы развития института. Первый – когда Гайдар собирал нас осенью 1990 года, он сказал фразу историческую, но оказавшуюся не вполне правильной: «Мы не пишем программ. Рынок в России переполнен программами – Явлинский пишет, Абалкин пишет, Аганбегян, все пишут программы. Мы будем заниматься текущим экономическим анализом, мы будем писать обзоры. Мы будем обсуждать, что происходит в экономике, а не то, как ее улучшать, поскольку, как ее улучшать, и так понятно, вопрос только в том, кто это будет делать». Собственно, обзоры – это наш первый опыт, мы продолжаем его. Должен признать, сейчас мы не вполне довольны ими. В 1990, 1991, 1992 годах этим не занимался никто, сейчас этим занимаются решительно все, и перед нами стоит сложная задача – во что трансформировать эти обзоры. Отказываться от них жалко, но явно, что у них должен быть новый профиль, новый получатель, новый читатель. Несмотря на обзоры, конечно, 1992 год – это первая программа, программа углубления реформ, которую мы все писали. Такая экономическая юность, романтизм, Вольтинское – все было замечательно, очень интересно. И должен сказать, это единственная программа, которая, во всяком случае в XX веке, была полностью выполнена. Ее выполнение заняло, правда, не 3 года, а 7, но практически все, что было написано в программе 1992 года, в 1999 году было выполнено. Этим занимались разные правительства, причем чем больше правительство ругало программу, тем более последовательно оно ее реализовывало. Как мы знаем из опыта, правительство Примакова завершило, по сути, реализацию этой программы. Это был очень интересный опыт погружения института в эти работы.

Дальше были дискуссии о макроэкономической стабилизации, о природе инфляции. Я помню, как мы с присутствующими здесь экономистами спорили о том, в какой мере инфляция является монетарным фактором или связана с издержками – длинная, вечная дискуссия. Я потом только, когда писал докторскую диссертацию, понял, что ровно та же дискуссия была между Госпланом и Наркомфином в 1920-е годы, когда обсуждался вопрос, в какой мере низкий уровень монетизации ВВП позволяет проводить активную бюджетную экспансию или все-таки спрос на деньги связан не с традиционным уровнем монетизации, а с какими-то другими конъюнктурными факторами.

Дальше была массовая приватизация, о которой я здесь говорить не буду, и обсуждение моделей первых опытов. Дальше – фантастическое время финансового кризиса, когда казалось, что все рухнуло, а на самом деле все только начиналось. В конце 1998 года Гайдар сказал, что поскольку мы в следующие лет 8 кооптированы не будем, давайте придумаем что-нибудь, что может понадобиться следующему правительству примерно в 2008-2010 годах. И тогда институт занялся разработкой новой налоговой модели с плоским подоходным налогом и проблемами дерегулирования. Выяснилось, что это понадобилось меньше, чем через полгода. Это был исключительно важный момент – подготовка программы Грефа.

Далее – конечно, Стабилизационный фонд, в который мы все были погружены, и, насколько я знаю, Алексей Леонидович [Кудрин] об этом будет говорить. Ну и, наконец, я хочу напомнить, как это ни парадоксально, Гайдар первый обратил внимание на то, что стратегическими приоритетами должны быть не выборы между металлургией и сельским хозяйством, авиацией или электроникой, а пенсионная система, здравоохранение и образование. Т.е. в постиндустриальном мире бюджетным и, следовательно, политическим приоритетом правительства является развитие человеческого капитала, а не та или иная сфера.

В заключение хочу рассказать одну короткую историю. Меня как-то один довольно высокопоставленный чиновник, уровня замминистра, спросил, что почитать интересного по стратегии развития здравоохранения. Это было примерно в 2005-2006 году. Я говорю: «Ну, вот «Долгое время» недавно вышло, там есть соответствующая глава, очень

интересная». Прислал. Потом мне этот человек звонит и говорит: «Очень интересно, спасибо. Хочу поговорить с автором». Я говорю: «Да, Егор Тимурович в кабинете». Он: «Да нет, Владимир Александрович, я хочу поговорить с тем, кто писал это». Я продолжаю не понимать: «Егор Тимурович в кабинете. Хотите, телефон дам». «Нет, а реально-то кто писал?» Я, кажется, убедил, что писал тот, чье имя стоит на обложке книги.

На этой оптимистической ноте я хочу завершить свое вступительное слово. Спасибо.